

АРТЕМ САВЕНКОВ

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ВСЕХ СМЕШИЛ

За каждой шуткой кто-то молчал.

16+

Арте́м Саве́нков

Человек, который всех смешил

«Автор»

2026

Савенков А.

Человек, который всех смешил / А. Савенков — «Автор», 2026

Антон Беляев умел рассмешить целый зал. Сложнее было заметить, когда человеку рядом совсем не смешно. Двадцать лет он спасал чужие праздники, находил слова для незнакомых людей и превращал семейные ссоры в забавные истории. Пока однажды посреди выступления не смог произнести простое слово. Инсульт. Больничный потолок. Собственное имя, которое не получается назвать. Теперь Антон учится просить воды, принимать помощь и выдерживать паузы. А дома его ждут разговоры, которые он откладывал годами. Жена давно хотела уйти. Сын давно перестал делиться самым важным. И даже возвращение на сцену может стоить ему того, что ещё осталось между ними. Тёплый, смешной и беспощадный роман о человеке, которому предстоит заново узнать цену своих слов. О любви, которой не всегда достаточно. И о надежде, начинающейся с простого: дать близкому договорить.

© Савенков А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Все смеются	6
Глава 1. Четыре пропущенных	6
Глава 2. Свет в холодильнике	10
Глава 3. Нормально	14
Глава 4. После выходных	17
Глава 5. Не тот номер	20
Глава 6. Ответ уже дали	22
Глава 7. На парковке	25
Глава 8. Чужие упражнения	28
Глава 9. Авансы	30
Глава 10. Пять минут	32
Часть вторая. Домашняя тишина	34
Глава 11. Место у окна	34
Глава 12. До больницы	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Артем Савенков

Человек, который всех смешил

Артем Савенков

Человек, который всех смешил

Роман

Часть первая. Все смеются

Глава 1. Четыре пропущенных

Невеста попросила, чтобы на свадьбе никто не чувствовал себя неловко.

За её спиной отец жениха уже рассказывал матери жениха, почему деньги на банкет следовало положить на вклад. Мать невесты переставляла карточки с именами: тётю Люду нельзя было сажать рядом с тётей Тamarой, потому что восемь лет назад они поссорились из-за дачи, которой теперь не существовало. Дачу снесли под дорогу, а рассадку продолжали портить её последствия.

— И конкурсы не нужны, — добавила Даша. — Мы хотим современно.

— Хорошо.

— Но чтобы все участвовали.

— Разумеется.

— И никого со стульев не поднимать. Бабушка предупредила.

Антон посмотрел на список гостей.

— Понял. Праздник в формате родительского собрания. Каждый сидит на своём месте, но уйти раньше всё равно нельзя.

Даша засмеялась. На шее у неё выступили красные пятна, и Антон заметил, как она придерживает большим пальцем обручальное кольцо, словно оно могло соскользнуть вместе со всем остальным счастьем.

— Давайте сначала вы поедите, — сказал он. — Со вчерашнего дня небось на одном лаке для волос?

Она кивнула с такой благодарностью, что он сразу вспомнил, зачем двадцать лет таскает аппаратуру по чужим лестницам.

В сорок четыре года Антон Беляев умел появиться вовремя там, где начинало рушиться что-нибудь праздничное. Он знал, кому предложить воды, у кого незаметно забрать микрофон и какой родственнице достаточно сказать: «Я вас помню с прошлого юбилея», — чтобы она простила человечеству всё, кроме неудачной фотографии.

Паша проверял провода возле колонок. На полу лежал чемодан с надписью «Хрупкое», под которой сам Паша когда-то приписал: «Как мои отношения с бухгалтерией».

— Микрофон второй не трогай, — сказал он. — Там батарейки на последнем издыхании.

— Нам как раз под тост дяди Лёши. Восемь минут — и техника примет ответственное решение.

— Антох, я серьёзно.

— Я тоже. В прошлый раз он начал с рождения города.

Паша усмехнулся и всё-таки заменил батарейки.

К седьмому тосту тётя Тамара уже забыла, что дача снесена, и решительно потребовала восстановить справедливость.

— Тут некоторые думают, что я ничего не помню!

Тётя Люда положила вилку.

Антон поднялся раньше, чем вилка звякнула о стол.

— Дорогие гости, у нас потрясающий состав. Пять поколений семьи. Есть люди, которые помнят молодожёнов маленькими. Есть люди, которые помнят, кто кому сколько должен. И эти люди никогда не уходят домой первыми.

Засмеялись оба стола. Тамара тоже: ей понравилось, что её память признали публично.

— Сейчас я попрошу вас написать молодым по одному совету. Подписывать не надо. Особенно финансовые рекомендации. Чтобы потом не искали виноватых.

Он раздал карточки, и ссора получила бумагу, ручку и безопасный адресат.

Следующий час Антон провёл между столами, оставив микрофон возле Пашиного пульта.

Отец невесты никак не мог решиться на тост. Выглядел человеком, который охотно подписал бы договор на десять миллионов, лишь бы нужную речь прочёл кто-нибудь другой. Антон присел рядом и попросил рассказать, что он особенно хорошо помнит про Дашу маленькой.

— Она всегда сама, — сказал мужчина. — Всё сама. В садик собиралась, пуговицы... Мы опаздываем, она: не помогай.

— Вот это и скажите.

— Да это же ерунда. Надо что-нибудь серьёзное. Желаем благополучия...

— Благополучия уже пожелали одиннадцать раз. Пуговицы пока ваши.

Мужчина засмеялся и потёр ладонью колено.

Антон объяснил, в какой момент даст ему слово, обещал стоять рядом. Мужчина кивнул и разжал пальцы, которыми до этого мямсал салфетку.

Через несколько минут отец начал именно с пуговиц. Сказал, как они всегда опаздывали из-за одной маленькой упрямой девочки. Потом посмотрел на взрослую дочь и вдруг сбился.

— В общем, ты теперь всё равно... Если надо, ты звони. Хоть и сама.

Антон поставил стакан на стол, дал ему сесть. Даша подошла к отцу, наклонилась к его уху. Что она сказала, в зале не услышали.

Затем бабушка потребовала свою очередь.

— Я записала, — предупредила она.

— Это хорошо. Родственники с рукописью всегда вызывают у меня уважение и лёгкую тревогу.

Она вынула из сумочки лист, расправила. На обороте виднелась инструкция к лекарству. Антон успел заметить, что букв на её стороне совсем немного.

— Хочу пожелать, чтобы у вас всё было. И чтобы вы этим не попрекали друг друга.

Бабушка сложила лист и села. Зал сперва дождался продолжения, затем заплодировал. Антон посмотрел на её сумочку с неожиданной нежностью.

— Вот, друзья. Человек подготовился и уложился. Остальным рукописи можно сдать мне на редактуру до горячего.

Бабушка довольно кивнула. Паша за пультом показал большой палец.

Позже невеста попросила провести маленькую игру для семейных пар. Без переодеваний, без пошлости, чтобы бабушке тоже было интересно. Антон предложил каждому написать, какая вещь в доме существует в единственном экземпляре, но почему-то должна всегда находиться у другого.

Сначала написали про ножницы и зарядку. Потом кто-то — про терпение. Пожилой мужчина в конце зала поднял карточку: «Хорошая память». Жена отобрала у него ручку и дописала: «На ошибки другого».

— У нас семейная команда! — объявил Антон. — Не мешаем людям совместно наживать доказательства.

За следующим столом муж и жена спорили, кому принадлежат кухонные весы.

— Мои, — сказала женщина. — Я их покупала.

— А пользуюсь я.

— Чтобы корм собаке взвешивать!

— Он тоже член семьи.

Антон попросил вписать собаку в протокол. Гости смеялись уже друг над другом, и ему оставалось следить, чтобы смех не стал злым. Тамаре он дал карточку первой, Люду похвалил за ответ второй. Из-за дачи больше не ссорились.

Когда отец жениха в очередной раз начал считать стоимость банкета, Антон пододвинул ему пустую карточку.

— Напишите рекомендацию молодым. Только такую, которую сами готовы соблюдать.

Мужчина задумался надолго. Вернул лист, на котором стояло: «Не обсуждайте деньги при гостях».

— Уважаю людей, способных учиться прямо на мероприятии, — сказал Антон.

Тот рассмеялся первым.

Чуть позже выключилась музыка первого танца. Невеста замерла, Алексей посмотрел в сторону Паши с таким выражением, с каким люди смотрят на свидетеля собственного падения.

— Всё правильно, — сказал Антон. — Первые тридцать лет брака танцуем под музыку. Дальше — под то, что осталось в голове.

В зале кто-то хлопнул. Он поймал ладонью такт, предложил гостям поддержать его, и через несколько секунд двести рук делали простую вещь, для которой не требовался пульт. Молодые продолжили танцевать. Паша нашёл нужный файл, но Антон покачал головой: пусть закончат так.

После танца снова заиграла музыка. Даша уже плакала. Хорошо плакала, открыто, без попытки сберечь макияж. Антон подумал, что этот кусок непременно возьмут в свадебный фильм.

После танца к нему подошёл молодой человек в слишком новом костюме. Попросил не вызывать его никуда. Именно так и сказал — не знакомясь, не объясняя причины.

Антон узнал его по списку. Двоюродный брат жениха, недавно вернулся из другого города, сидел у прохода и всё время держал телефон экраном вниз. В анкете про него было написано только «Дима, свой человек». Иногда за такими словами скрывалось разрешение на любые шутки.

— Не буду, — ответил Антон.

— Даже если они попросят.

Он посмотрел в сторону стола, где уже смеялись двое старших родственников.

— Даже если попросят. Договорились.

Дима некоторое время ещё стоял, ожидая, что ведущий потребует объяснить просьбу. Потом кивнул и ушёл. Через полчаса кто-то действительно закричал, что надо вызвать его с тостом, потому что «он у нас самый молчаливый».

Антон переключил внимание на человека, который кричал.

— Удивительно, как охотно мы назначаем выступающим другого, — сказал он. — Давайте начнём с вас. Подготовку видно издалека.

Мужчина сразу замахал руками, гости засмеялись, разговор ушёл в сторону. Дима остался сидеть. Когда их взгляды встретились, он коротко поднял стакан. Антон ответил таким же коротким жестом и пошёл к следующему столу.

Перед тортом Даша попросила дать всем маленькое задание без победителей. Антон уже придумал три варианта и выбрал самый простой: написать, за какую бытовую вещь хочется сказать спасибо тому, с кем живёшь. Не за огромную любовь и героизм. За то, что происходит по вторникам и обычно не попадает на поздравительные открытки.

Сначала гости писали смешное. «За то, что не выбрасывает мои футболки, а только каждый раз обещает». «За умение найти пульт взглядом, пока я уже перевернул квартиру». «За то, что утром разговаривает со мной только после кофе. Иногда — после двух».

Антон читал, зал узнавал собственные кухни и смеялся. Потом попала карточка: «За то, что спрашивает, когда мне лучше помолчать».

Он прочёл её ровно. Карточка была неподписанной. Кто-то из гостей посмотрел на человека рядом, кто-то просто продолжил есть.

— Вот практический навык, — сказал Антон. — Чему бы нас ещё в школе научили, кроме вычисления скорости поезда, который всё равно приедет по своему расписанию.

За столом в середине зала муж повернулся к жене и что-то спросил. Она ответила, оба улыбнулись. Антон заметил этот короткий разговор и почувствовал обычную профессиональную гордость: удалось дать людям повод посмотреть друг на друга.

Про собственный дом в эту минуту не подумал.

Телефон в кармане коротко дрогнул. Он прижал его ладонью через ткань и пошёл выяснять, почему бабушка не ест горячее.

В половине второго ночи Паша наматывал кабель, продевая его через локоть.

— Держи другой конец, артист.

— Я сегодня держал столько чужих концов, что имею право на отдых.

— Вот именно поэтому стой и не двигайся.

В пустом зале пахло разлитым вином, горячей посудой и цветами, которым предстояло пережить свадьбу максимум на два дня. На полу возле стола лежала детская заколка в виде клубники. Антон поднял её, положил администратору на стойку.

Телефон показал четыре пропущенных от Ирины. Последний — три часа назад.

В семейном чате было сообщение: «Ты ведь помнишь, что сегодня собрание?» Следом: «Ладно, я отпрошусь». Ещё ниже Егор прислал фотографию невысокого механизма с колёсиками и захватом. Подписи не было.

Антон увеличил снимок. Сзади виднелась чья-то рука с тёмным браслетом. Он не знал, чья.

Нажал запись голосового.

— Семья, я жив, граждански трезв и слегка покрыт чужим тортом. Деньги заработал. Криминальных родственников разоружил. Завтра всех люблю в полном составе. Егорыч, твоя железка огонь. Главное, не учи её занимать деньги — нас с тобой и так достаточно.

Отправил, улыбаясь собственному усталому голосу.

На экране появилась отметка прочтения. Ответа не было.

— Всё? — спросил Паша.

— Всё. Поехали.

За вечер он запомнил сорок чужих имён. О том, как звали человека с браслетом, стоявшего рядом с сыном, так и не спросил.

Глава 2. Свет в холодильнике

Коробка с тортом не помещалась на полку.

Ирина достала контейнер с гречкой, переставила банку огурцов, потом поняла, что держит контейнер в руках и не знает, куда его деть. За спиной муж рассказывал про отключившуюся музыку.

— Представляешь? Все хлопают, молодые танцуют, Паша белый, как запасная скатерть.

А потом отец невесты говорит: «Мы за такую интерактивность отдельно платим?»

Она услышала смешное и усмехнулась. Рука, державшая гречку, начала затекать.

— Поставь на стол, — сказал Антон. — Я съем.

— Ты уже поел.

— Ради семьи готов ещё.

Он обнял её сзади, положил подбородок на плечо. Когда-то она любила это движение так сильно, что специально медлила у плиты. Теперь коробка всё ещё не входила, а до выхода оставалось двенадцать минут.

— Мне надо собираться.

— В субботу?

— Я вчера три часа отработала за собрание. Сегодня закрываем расчёт.

Он убрал руки.

— Ир, я замотался. У меня пятница, я же говорил.

— Ты сказал, что приедешь к шести. Собрание было в половине седьмого.

— Ну не получилось. Бывает. Зато у нас есть семейный диспетчер, который всё держит.

Она аккуратно поставила гречку обратно. Торт остался на столе.

— Диспетчер сегодня устал.

Антон посмотрел на неё, собираясь что-то ответить. Она знала эту секунду: сейчас найдётся реплика, которая позволит закончить разговор в знакомом месте. После неё уже неудобно будет возвращаться к обиде. Придётся либо рассмеяться, либо оказаться человеком, испортившим утро.

— Тогда объявляем задержку семейного рейса, — сказал он. — Пассажирам выдадут пледы и претензии.

Она засмеялась. Коротко. Пошла в ванную.

Егор сидел на кухне в наушниках, хотя телефон лежал экраном вниз. Он подвинул коробку с тортом от края стола, освобождая ей место для ключей. Даже не поднял головы. Она почему-то особенно остро почувствовала эту маленькую предусмотрительность.

На работе сканер захватил сразу три листа. Ирина открыла крышку и стояла, глядя на застрявший угол.

— Он тебя уважает, — сказала коллега Света. — Со мной вообще не начинается.

— Мы с ним давно. Знаем слабые места друг друга.

— Как муж?

— Сканер хотя бы показывает ошибку на экране.

Света хмыкнула и ушла за кофе. Ирина осторожно вытянула лист. Получилось длинное, некрасивое отверстие. Придётся распечатать заново.

К одиннадцати прислали изменённые чертежи. Заказчик уверял, что ничего существенного: подвинули перегородку, уточнили отделку, добавили совсем маленькую зону ожидания. На схеме зона ожидания съела половину прохода, а перенесённая перегородка делала бессмысленными уже заказанные конструкции.

Ирина позвонила проектировщику. Выслушала, нашла нужный лист, задала три вопроса. Мужчина в трубке начал объяснять, что люди наверху не понимают, чего хотят.

— Это потом обсудим, — сказала она. — Сейчас мне надо знать, какая версия действующая.

— Они сами не знают.

— Тогда я не буду отправлять им расчёт как окончательный. Напишу, какие условия приняты. Подтвердят — посчитаем.

Положив трубку, она почувствовала короткое удовольствие от ясной задачи. Бумага позволяла закрепить, что именно изменилось и с какой даты. Дома новая версия разговора нередко заменяла прежнюю без отметки, и затем оказывалось, что она сама не так поняла.

Света под села к её столу с бутербродом.

— Тебе за это больше платить надо. Ты опять спасла объект от их же пожеланий.

— Объект ещё не в курсе. У него всё впереди.

Они посмеялись. Света спросила, как вчерашнее собрание. Ирина рассказала про новую систему пропусков, про то, что у ребят появился инженерный проект и школе нужны родители, готовые помочь с поездками. Учитель говорил об этом почти извиняясь, будто интересы детей были ещё одной дополнительной нагрузкой, за которую придётся просить прощения.

— Антон-то может. У него машина, — заметила Света.

— Машина может, — ответила Ирина. — С человеком сложнее договориться.

Последняя фраза ещё звучала у неё в ушах. Дома её тоже можно было бы рассказать как забавную семейную особенность.

Егор вчера после собрания показал ей чертёж. Пододвинул лист, объяснил стрелки. Она не поняла почти ничего, но спросила, что именно делает сам. Сын рассказал про программу. Ирина начала слушать внимательнее, пытаясь поймать логику. В какой-то момент он остановился и спросил, не скучно ли ей. Она помнила, как он при этом придержал лист, уже готовый забрать его обратно.

Она сказала, что интересно, попросила вернуться к началу. Сын улыбнулся и придвинулся вместе со стулом. На углу стола остался полукруг от стакана; Егор провёл по нему пальцем, пока подбирал объяснение.

Ирина отправила ему сейчас короткое сообщение: «Ты покажешь вечером, что поменяли?»

Он ответил: «Да». Затем прислал фотографию новой детали.

На снимке всё было мелкое и совершенно непонятное. Она сохранила его, чтобы вечером спросить именно про это.

На подоконнике в офисе стоял подсохший цветок. Поливать его считалось общей обязанностью, и потому поливала Ирина. Она взяла бутылку, потом поставила обратно. Заглянула к администратору и попросила назначить, кто следит за растениями по дням. Та удивилась, но согласилась. Маленькая неловкость заняла меньше минуты. Ирина поймала себя на том, что чувствует вину даже за передачу чужой обязанности.

Пока разогревался обед, она открыла в телефоне письмо из другого бюро. Посмотрела на своё имя, на предложенное время. Подумала, сколько раз отвечала на подобные вещи словом «позже», не уточняя у себя, какое именно условие должно наконец наступить.

На обеде она открыла объявление, которое сохраняла уже четвёртый раз. Однокомнатная квартира на соседней улице. На фотографии у окна стоял узкий стол; за стеклом виднелась голая ветка. Хозяин написал: «Для спокойного человека».

Она долго смотрела именно на эту строчку.

У неё было сто четырнадцать тысяч на отдельном счёте. Не тайное состояние. Деньги за подработки, премию и проданный старый фотоаппарат. Антон знал, что они есть, но полагал, что она откладывает на отпуск. Ирина однажды сказала, что хочет иметь свой запас, и он ответил: «На побег хватит? Главное, не экономь на соучастнике». Она смеялась вместе с ним.

Квартира стоила восемнадцать тысяч в месяц. С залогом выходило ощутимо. За неё придётся платить, продолжая участвовать в расходах на их общую двухкомнатную. Делить жильё сразу она не хотела. Ей пока нужен был стол у окна, дверь, которую можно закрыть, и вечер, в котором не придётся дожидаться чужого хорошего настроения.

Рядом с объявлением висело письмо из другого бюро: приглашение на разговор о должности руководителя группы. Она ещё не ответила. Сначала надо было обсудить расписание дома, предстоящий турнир Егора, Антоновы выходные, которые на самом деле почти никогда выходными не были.

Ирина поставила чашку на подоконник. Внизу мужчина пытался открыть багажник с коробкой в обеих руках. Прохожая остановилась и нажала кнопку. Он благодарно кивнул. На всё ушло секунды четыре.

Она написала: «Спасибо за приглашение. Мне удобно во вторник в семнадцать тридцать».

После работы Ирина пошла через сквер, хотя так выходило чуть дольше. Ветер цеплялся за край шарфа, на дорожке лежали ещё свежие жёлтые листья. Возле детской площадки мужчина пытался объяснить сыну, почему самокат не заменяет ботинки. Ребёнок стоял на доске в носках и чувствовал себя вполне убедительным возражением.

Она засмеялась про себя. Прежде сразу отправила бы Антону голосовое: смотри, какой прекрасный клиент будущего ведущего, уже умеет не соглашаться с реальностью. Потом представила, как сообщение затеряется между рабочими звонками, а вечером он перескажет похожую историю, не вспомнив, откуда взял.

Достала телефон, написала пару строк Свете. Та ответила почти сразу и прислала фотографию собственного кота, устроившегося на рабочем ноутбуке. Разговор был ни о чём, и от этого не требовал собирать силы.

У магазинчика с посудой Ирина остановилась перед витриной. Там стояла смешная синяя чашка, неудобная на вид, с очень большим блюдцем. Ей понравилась беспричинно, как иногда нравятся вещи, не связанные с необходимостью. Она вошла, взяла в руки, посмотрела цену.

Купить могла. Никакой финансовой катастрофы одна чашка не создавала. И всё-таки первым возникло объяснение для дома: старая откололась, нужна для работы, была скидка. От кого она собиралась защищать покупку? Антон обычно не следил за такими расходами. Он скорее пошутил бы, что теперь придётся платить арендную плату блюдцу за занимаемую площадь.

Именно привычность предполагаемой шутки остановила. Не потому, что оскорбительна. Потому, что любую понравившуюся ей мелочь она заранее видела глазами человека, который умеет быстро объяснить её нелепость.

Ирина поставила чашку обратно. Решила сначала посмотреть, куда дома её можно поставить. Вышла и через несколько шагов разозлилась: опять потребовалось разрешение обстоятельств, чтобы просто захотеть вещь.

Домой вернулась с хлебом и лампочкой для коридора. Эти покупки не нуждались в оправдании. Лампочка перегорела четыре дня назад, и они все научились проходить этот кусок квартиры на ощупь. Ирина выкрутила старую, вкрутила новую, щёлкнула выключателем. В коридоре стало светло.

Егор вышел посмотреть. Сказал спасибо и ушёл обратно. Антон заметил свет только поздно вечером, проходя по телефону к следующему рабочему разговору.

Вечером Антон разогрел гречку и съел с ней остаток свадебного мяса. Торт всё-таки пришлось делить на части.

— Ир, убери вот это в морозилку, — попросил он. — Через полгода у нас серебряная свадьба каких-нибудь незнакомых людей. Сэкономим.

— Мы женаты восемнадцать лет.

— Я про торт.

— А я почему-то про нас.

Он хотел ответить, но зазвонил телефон. Клиент волновался, можно ли изменить программу корпоратива. Антон вышел в коридор с трубкой, и голос у него сразу стал внимательным.

Ирина закрыла холодильник. Внутри остался гореть свет, которого она уже не видела.

Глава 3. Нормально

Робот взял красный кубик, уверенно повернулся к синей коробке и уронил его на пол.

— У него политическая позиция, — сказала Арина.

— У него коэффициент съехал.

— Ты всем так говоришь? Очень бережно.

Егор присел на корточки и достал кубик из-под верстака. В школьной мастерской пахло фанерой, пылью и чем-то нагретым. В соседнем углу Захар паял провод, высунув язык. Виктор Павлович, руководитель кружка, подписывал коробку с инструментами: «Вернуть сюда». Под надписью уже были три старые, перечёркнутые версии той же просьбы.

Арина закатала рукава. На запястье у неё сидел чёрный браслет из шнура. В узле торчала синяя нитка.

— У тебя папа придёт на показ?

— Не знаю.

— Ты позвал?

— У него работа.

Она посмотрела на него, но не стала спрашивать дальше. Это было одним из её полезнейших свойств. Если ответ не предназначался для развёртывания, Арина не пыталась его вернуть отвёрткой.

Виктор Павлович принёс коробку с новыми деталями и положил на стол с таким видом, словно доставил органов для пересадки.

— Не растеряйте. Нам это ещё перед бухгалтерией объяснять.

Захар заглянул внутрь.

— Тут одна штука не та.

— Вот её особенно берегите. Она дороже нужной.

Егор взял датчик, сверил маркировку. Работать можно было и с ним, только крепление придётся переделать. Арина тут же начала рисовать на обороте старого листа. У неё получались линии, которым Егор доверял больше, чем некоторым собственным вычислениям: она видела вещь целиком, прежде чем та вообще появлялась.

— Ты сначала размер проверь, — сказал он.

— Я проверила.

— На глаз?

Арина молча подала ему линейку. Размер совпал. Захар довольно хмыкнул, и Егор почувствовал, как горячо становится щекам. Хотелось немедленно найти у неё другую ошибку, чтобы вернуть равновесие. Он заметил это желание, не успев остановить, и ткнул в крепёжное отверстие.

— Тут близко к краю.

— Потому что это набросок, Беляев. Я его тебе не на завод сдала.

Он промолчал. Вернул линейку и занялся проводом. Через несколько минут Арина придвинула исправленный рисунок ближе, уже без вызова. Егор посмотрел и сказал, что так сойдётся. Она кивнула и потянулась за следующей пластиной.

Им предстояло сделать несколько одинаковых запусков. Виктор Павлович требовал записывать не только удачные результаты. Это раздражало: после хорошей попытки хотелось считать, что робот всё понял навсегда. Учитель объяснял, что статистика не должна зависеть от настроения автора.

— Можно тогда настроение отдельно оценивать? — спросил Захар. — Оно у нас тоже скачет.

— Можно. Но только в графу неисправностей.

Егор смеялся вместе с остальными. Здесь ему было легче, чем в классе. Никто не ждал, что он будет смешным сыном смешного человека. Если говорил глупость, отвечал за неё сам; если делал полезную вещь, это тоже принадлежало ему.

На пятом запуске механизм наконец положил кубик правильно. На шестом повторил. Егор посмотрел на Арину, но она уже проверяла крепление, закусив губу.

— Работает, — сказал он.

— Пока два раза.

— Иногда можно порадоваться.

Она подняла голову, усмехнулась.

— Радуетесь ты, записываю я. Нормальное разделение труда.

Егор взял ручку и сам внёс результат. В этот момент захотелось сфотографировать стол и отправить отцу не просто устройство, а всё сразу: беспорядок, шестую удачную строчку, лицо Арины, которой тоже хотелось улыбаться, хотя она пока делала вид, что занята.

На снимке осталось только то, что удалось вместить в прямоугольник. Он отправил без подписи. Долго подбирать слова было бы почти так же страшно, как ждать, что на них ответят.

Телефон на столе завибрировал.

— Привет, изобретатель! — Голос отца заполнил мастерскую: Егор случайно задел громкую связь. — Как там наш пылесос с высшим образованием?

Захар обернулся.

Егор отключил громкую связь.

— Нормально.

— Ты чего шёпотом? Государство уже интересуется?

— Я занят, пап.

— Слушай, хотел спросить. Вот эта штука на фотографии — она что делает?

Егор уже открыл рот.

— Потому что если она может по утрам убедить мать не идти на работу, я её первым куплю. Домашняя экономика требует реформ.

— Сортирует детали.

— А. Это мы пока не умеем. У нас детали семьи обычно лежат кто где.

— Я потом наберу.

Он закончил звонок и увидел собственное отражение в чёрном экране. Выглядел так, словно сейчас соврал.

Три года назад за этим же столом, ещё в другой комнате кружка, он записывал короткое видео для Алины. Хотел объяснить, почему в роботе нужны два датчика. На самом деле хотел, чтобы она увидела его лицо, а не только сообщения. Отправить не решился. Показал отцу: спросил, нормально ли звучит, не слишком ли глупо.

Отец тогда сказал:

— Глупо — это если она после двух датчиков не поймёт, что ты влюблён.

Егор покраснел, но засмеялся. Ему было хорошо от того, что отец понял и не начал читать нотацию.

Через неделю на семейном дне рождения Антон рассказал за столом про «самую технически оснащённую попытку познакомиться с девушкой». Все смеялись. Егор тоже сперва растянул рот: он сидел напротив бабушки, и она смотрела на него с тёплой улыбкой. Потом отец показал жестами, как сын записывал обращение.

— Датчик приближения, датчик освещённости. Пацаны в моё время просто спрашивали: «Тебя проводить?» А тут девушке ещё гарантийный талон дадут.

Егор попросил выключить камеру. Дядя сказал: «Да я для себя». К вечеру видео оказалось в общем семейном чате, через два дня — у одноклассника, чей отец работал с дядей.

Алина написала: «Зачем ты это всем рассказал?»

Он отвечал долго, стирал, снова отвечал. Ни один из вариантов не объяснял, почему ему так стыдно за то, чего он не делал.

— Ты чего завис? — спросила Арина.

— Смотрю код.

— Экран выключен.

— Мысленно.

Она подвинула ему блок питания.

— Тогда мысленно помоги мне разъем найти. Он тут самый скрытный участник команды.

Егор улыбнулся и вернулся к роботу. С механикой было легче. Если захват не держал деталь, можно было выяснить причину. Ему не объясняли, что деталь слишком обидчивая.

После занятия Егор и Арина вышли вместе. Ей надо было к остановке, ему — в другую сторону, но несколько кварталов путь совпадал, если не очень старательно сравнивать карту.

Она несла пакет с остатками пластин. Егор предложил взять. Арина сначала отказалась, потом передала половину, потому что держать всё одной рукой действительно было неудобно. Теперь каждый нёс по пакету. Он успел придумать, как будет шутить о тяжести науки, но Арина уже рассказывала про учительницу физики, и реплика не пригодилась.

У остановки купили по пирожку. Арина выбрала с капустой, затем стала жаловаться, что попалась почти одна оболочка. Егор сказал, что это оптимизация веса. Она предложила передать разработку их роботу, которому тоже не мешало бы полегчать.

Они смеялись, стоя под козырьком. Машины шуршали по мокрому асфальту, рядом женщина громко объясняла по телефону, в какой пакет положила ключи. Мир был заполнен неудачно организованными вещами, и почти всё можно было обсуждать без страха, что тебя сейчас выставят перед всей семьёй.

— Ты куда после школы хочешь? — спросила Арина.

Егор назвал несколько вариантов, тут же начал объяснять, почему ни один пока не окончательный. Привык, что взрослые слышат в неопределённости недостаток серьёзности. Арина просто сказала, что сама ещё не решила.

— Ты же лучше всех механику делаешь.

— Это здесь. Я ещё много чего не пробовала.

Егор задумался. На вопрос о будущем он каждый раз готовил ответ, словно к доске вызвали. Арина смотрела на дорогу и спокойно доедала пирожок.

Подожёл её автобус. Арина забрала пакет, едва не оставила пирожок на лавке, засмеялась собственной забывчивости. Егор придержал дверцу, пока она поднималась, затем отошёл, чтобы не мешать другим.

Она помахала из окна коротко, без особенного смысла. Он ответил и пошёл домой, продолжая держать в руке салфетку, которую уже давно можно было выбросить.

По дороге несколько раз собирался написать ещё что-нибудь про проект. Ничего срочного не было. Просто хотелось продлить разговор. Палец уже лёг на значок голосового. Он вспомнил Алину, убрал телефон и ещё несколько кварталов шёл, сунув руки в карманы.

Дома отец уже спал после дневной встречи. На столе лежали распечатанные анкеты заказчиков. Егор прочёл одну строку: «О чём не шутить: развод, вес, фамилия невесты». Всё было подчёркнуто.

Он долго смотрел на лист. Потом взял приглашение на школьный показ и положил рядом. На обороте написал время. Проверил дважды.

Глава 4. После выходных

В понедельник корпоративный заказчик сообщил, что коллектив у них необычный.

Так начиналась каждая вторая встреча Антона. Необычными коллективами обычно оказывались тридцать семь обычных людей, которые хотели выпить за счёт руководства и не вспомнить утром ничего увольняющего.

— У нас все интеллигентные, — сказала женщина из отдела персонала. — Пошлость исключена.

— Конечно.

— Но чтобы оторвались. Генеральный любит, когда народ лежит.

— А пол с подогревом?

Она не сразу поняла, потом засмеялась и записала что-то в блокнот.

— Только эту шутку лучше без генерального.

— Разумеется. При нём уточним про ковровое покрытие.

После встречи они с Пашей зашли в зал, где предстояло работать. Под потолком висели светящиеся шары, у стены стояло пианино с картонной табличкой «Не играть». На крышке лежали папки администратора — надёжнее любой таблички.

Паша проверил розетку возле сцены, потом вторую. Администратор сообщил, что первая «иногда выбивает, но если не включать много, всё хорошо».

— Очень музыкальный подход, — сказал Антон. — Главное, на припеве всем резко перестать.

Администратор засмеялся и пошёл искать электрика.

Паша пододвинул тяжёлую стойку. Антон взялся помогать, но вдруг ощутил привычную головную тяжесть и выпрямился. Не хотелось признавать, что несколько бессонных ночей уже заметны не только под глазами. Выпил воды, прислонился к стене.

В пустом зале особенно хорошо было видно устройство профессии. Провода, скотч, запасные батарейки, распечатка, на которой изменённое имя невесты вписано поверх старого. Люди потом помнили улыбку ведущего и удачный тост. Паша больше помнил, сколько лестниц приходилось проходить после полуночи. Антон не раз слышал: «Ну тебе-то легко, ты же любишь говорить».

Он действительно любил. Только за лёгкой фразой стояли встречи, анкеты, память на лица, способность заметить, что под внешней весёлостью человек уже начинает злиться. Всё это он считал собой. Выходить к людям без голоса он не пробовал никогда.

— Помнишь, как мы первый раз здесь вели? — спросил Паша.

Антон посмотрел на пианино. Тогда на нём ещё разрешали играть, но пианист опаздывал, поэтому он изображал человека, способного спеть. Спеть не смог, зато заставил зал помочь. Из общего шума вышел почти хор.

Ирина сидела на том вечере возле окна. Ей было двадцать два, она пришла с коллегой. После программы подошла не за номером и не за автографом — спросила, как он запомнил имя женщины, которую все называли просто бухгалтером. Он ответил, что перед началом заглянул в список гостей.

— Значит, подготовился, — сказала она. — А я думала, вы просто такой внимательный.

Антон тогда засмеялся и ответил, что за внимание, подготовленное заранее, следует брать двойной тариф. Она попросила не раскрывать эту бизнес-модель людям, которые приглашают её на свидания.

Он помнил её лицо в тот момент очень ясно. Умное, чуть насмешливое, не пытающееся понравиться любой ценой. Влюбился, вероятно, позже. Но именно тогда впервые захотелось, чтобы после вечера кто-нибудь остался не за столом клиента, а рядом с ним.

— Помню, — ответил он Паше. — Хорошо помню.

Электрик пришёл с отвёрткой и спросил, где тут иногда хорошо. Они показали розетку. Работа продолжилась.

К вечеру разболелась голова. Антон проверил пришедший аванс на телефоне; Паша предложил снять один из заказов.

— Ты чего как осенняя муха? Лето отработали, а ты всё разгоняешься.

— Кредитов у тебя нет — философствовать легко.

— У тебя тоже нет.

— Зато есть привычка жить с чувством перспективной задолженности.

После встречи с заказчиком Антон ещё долго отвечал на сообщения. У отдела кадров оставались вопросы: можно ли сделать программу активной, но чтобы уставшие сотрудники отдыхали; душевной, но без личного; неожиданной, но все реплики согласовать заранее.

Он написал, что неожиданность тоже можно включить в приложение к договору, если перечислить, в каких местах люди собираются удивляться. Женщина прислала смеющийся значок и сразу спросила, правда ли можно.

Паша заглянул в экран и покачал головой.

— Сам приучил. Они теперь думают, что ты из воздуха делаешь всё, кроме счёта.

Антон убрал телефон. Вода в бутылке нагрелась, но пить всё равно хотелось. На парковке мужчина в дорогом пальто пытался впихнуть букет в слишком маленький багажник. Цветы сопротивлялись молча, но убедительно.

— Вот нормальное описание нашей работы, — сказал Антон. — Человек принёс готовую жизнь, а ты её уложи в полтора часа между салатом и горячим. И чтобы ни одна роза не помялась.

— Можно отказываться, — ответил Паша.

Он знал, что можно. Несколько лет назад даже отказался от вечера, где требовали публично «разыграть» новенькую сотрудницу. Заказчик объяснял, что девочка своя, всё нормально, она потом оценит. Антон попросил спросить её заранее. Выяснилось, что именно спрашивать и не хотели. Сделка сорвалась, некоторое время он гордился собственной границей, рассказывал Паше, что людей нельзя делать реквизитом без разрешения.

Дома при этом не видел ничего особенно страшного в семейной реплике, над которой один человек не смеялся. Свои — значит, поймут. Они ведь знали, как он их любит.

Он закрыл рабочий чат и пообещал себе, что после выходных они с Ириной спокойно поговорят. Прежде чем ответить новому клиенту, действительно убрал телефон минут на пять. Ему казалось, это уже похоже на начало перемен.

Паша убрал провода в багажник.

В четверг вечером Антон нашёл приглашение сына. До воскресного показа оставалось три дня. Субботний корпоратив закончится поздно, но к четырём следующего дня он вполне успевал прийти в школу. Даже выспится, если не затянется разгрузка.

— Егорыч! В воскресенье я твой.

Сын появился в дверях. В руках у него был кабель, который он наматывал на ладонь.

— Ты посмотрел время?

— Посмотрел. Четыре часа. Наш школьный робот восстанет ровно после обеда.

— Он не школьный. Он наш.

— Ваш. Я же без притязаний на интеллектуальную собственность. Только отцовский процент с прибыли.

— Там прибыли нет.

— Тогда точно наше семейное предприятие.

Сын улыбнулся краем рта. Антон почувствовал облегчение и сразу захотел закрепить его ещё одной репликой, но Егор уже пошёл обратно к себе.

Ирина стояла у окна, разглядывая мокрый асфальт.

— Мне надо с тобой поговорить.

— О чём?

— О том, как мы живём.

У него неприятно сжалось под рёбрами. Этот разговор уже несколько раз подходил к нему в коридоре и каждый раз оказывался срочно занят чем-нибудь другим.

— Сейчас самое время? Завтра тяжёлый день.

— У тебя завтра всегда тяжёлый день.

— Ир, давай после выходных. Сядем, нормально обсудим. Может, съездим куда-нибудь вдвоём?

— Ты меня сейчас куда-нибудь отправишь, чтобы здесь ничего не обсуждать?

— Почему отправлю? Поедем. Вместе. У меня международный опыт молчания у бассейна.

Она не улыбнулась.

— Я хочу пожить отдельно.

Антон посмотрел на её руки. Она держала подоконник, будто он мог уехать.

— Ты серьёзно?

— Да.

— А мы, значит, как сезонный аттракцион? Летом работаем, зимой разбираемся на хранение?

Ирина отпустила подоконник.

Он понял, что сказал плохо, ещё до того, как увидел её лицо. Хотел вернуть фразу, но на языке уже стояла следующая, объясняющая первую. Механизм работал быстрее совести.

— Я просто не понимаю. Что случилось-то?

— Я пытаюсь тебе рассказать.

— И я слушаю.

Она посмотрела на него так устало, что он на мгновение почувствовал себя посторонним, пришедшим слишком поздно.

— После выходных, — повторил он тише. — Пожалуйста. Я сейчас не выезду.

Она кивнула. Не согласилась, а перестала говорить — разницу он почувствовал, но не захотел рассматривать.

В субботу, перед выходом на корпоратив, Антон проверил микрофон и положил запасную рубашку поверх проводов. Написал Ирине: «Завтра к Егору. В понедельник всё обсудим. Обещаю».

Перед словом «обещаю» поставил точку, чтобы выглядело серьёзнее.

Глава 5. Не тот номер

В начале вечера всё получалось.

Сотрудник отдела снабжения пришёл с женой и долго объяснял, что она вообще-то тоже имеет отношение к компании: именно она каждое утро находила его пропуск. Антон попросил выдать женщине премию за бесперебойную работу службы допуска. Генеральный сам первый захлопал.

Потом бухгалтерия подарила директору игрушечный калькулятор размером с поднос.

— Теперь любые расходы будут казаться мелкими, — сказал Антон. — Очень тонкая работа коллектива.

Он знал, что генеральный любит выглядеть человеком, который понимает шутки. Поэтому дал ему возможность засмеяться раньше остальных. Это тоже было частью профессии — незаметно расставить людям удобные места даже тогда, когда стулья уже стояли.

На третьем коротком выходе он попросил поднять руки тех, кто работает в компании больше десяти лет.

— Оставьте руки поднятыми, если вы до сих пор помните, чем собирались заниматься в жизни.

Несколько рук опустилось, зал засмеялся. Антон начал следующую фразу.

Слово было простое. Он произносил его сотни раз. Оно стояло перед ним целиком, со знакомым ударением, но рот сделал что-то чужое.

Антон остановился.

Кто-то в первом ряду улыбнулся, ожидая продолжения.

Он хотел сказать: «Коллеги». Вышел короткий, вязкий звук. Правый угол губы будто перестал слушаться. Микрофон внезапно сделался тяжёлым. Антон попробовал переложить его в другую руку, и пальцы разжались раньше, чем он успел это сделать.

Паша выключил музыку.

Антон увидел, как друг быстро идёт к нему между столами. Захотел спросить, зачем он ломает паузу: сейчас надо спокойно добрать фразу, и всё будет нормально. Но вместо вопроса получилось дыхание.

Лицо Паши изменилось.

— Вызывайте скорую. Сейчас. — Он уже подхватывал Антона под локоть. — Скажите: внезапно нарушилась речь, слабость руки. Время... восемнадцать сорок семь. Антох, слышишь меня?

Антон слышал прекрасно. Слышал, как девушка из кадров повторяет адрес, как у кого-то падает вилка, как генеральный говорит слишком громко: «Дайте воздуха».

Он хотел объяснить, что не выпил ни капли. Зачем — не знал. Всё происходило слишком быстро, чтобы выбирать важное, и мозг подсовывал привычную профессиональную задачу: сохранить впечатление.

Его усадили. В руке остался след от микрофона, круглая красная полоска на коже. Паша говорил с ним коротко, глядя в лицо. Никто больше не смеялся.

За окном ресторана светилась надпись «Ваш праздник — наша забота». Буква «ш» давно работала через раз, и Паша всё собирался снять её на телефон для их коллекции рекламных несчастий.

Сейчас она горела ровно.

В машине Антон попытался показать на телефон. Рука не выполнила движение как надо. Сотрудник скорой наклонился, понял не сразу. Паша, оставшийся снаружи, держал его сумку и говорил кому-то по телефону: «Ира, слушай меня внимательно».

Антон хотел попросить не пугать её раньше времени.

Машина тронулась. Кто-то задавал вопросы, кто-то отвечал. Ему требовалось только вставить в разговор одну фразу, простую и совершенно необходимую.

Потом были двери, холодный воздух коридора и потолок, который двигался в другую сторону. Лампы появлялись с одинаковым промежутком; Антон успел сосчитать четыре, затем потерял счёт. Кто-то спросил фамилию. Он знал ответ. Фамилия была его собственной, привычной, подписанной на каждом договоре. Язык не собрал её.

На секунду показалось, что это ошибка понимания: от него хотят совсем другое, а он упорно предлагает не тот ответ. Потом увидел лицо наклонившегося человека и понял, что вопрос был простой.

Паша шёл рядом не всегда. То появлялся, то оставался за дверью. На его шее перекрутился шнурок от пропуска. Антон очень хотел указать: поправь. Странная мелочь была понятнее всего происходящего и потому требовала немедленного исправления. Поправить шнурок — и можно будет перейти к остальному.

Он поднял левую руку. Друг взял её, подумав, что так надо. Сжал и сказал что-то короткое. Антон понял только собственное имя.

Крупная буква на двери, металлический край, чужие ладони. Ему давали задания, он пытался выполнить, не каждое понимал с первого раза. Сердился на себя за опоздание. Этот вечер уже шёл без него, гости сидели за столами, Паша должен был кому-то объяснять. Хотелось попросить выключить звук в зале, потому что в голове всё ещё играла музыка.

На короткое время стало темнее. Затем свет снова оказался прямо перед глазами. Он слышал голоса, но отдельные слова то приближались, то теряли смысл раньше, чем удавалось соединить их вместе. Легко было ошибиться, приняв это за собственную невнимательность. Достаточно сосредоточиться, хотел сказать он себе. Так он говорил на репетициях людям, которые путали две строки.

Сосредоточиться не получалось.

Кто-то снял с него часы. Их ремешок оказался тяжёлым, знакомым. На запястье остался более светлый участок кожи. Антон смотрел на него и вспоминал, как Егор маленьким просил дать часы поносить. Клацал застёжкой, прижимал руку к уху, говорил, что внутри тихо. Электронный механизм не тикал. Антон тогда изображал звук сам, и сын долго ловил его на обмане.

Зачем вспомнилось это сейчас — он не знал. Воспоминание было цельным, добрым, доступным без усилия. На его фоне собственный неподвижный рот казался ещё более чужим.

Паша наклонился снова. На этот раз Антон разобрал: Ирина едет. Не надо волноваться, она уже едет.

Он хотел сказать, что она будет волноваться как раз потому, что едет. Что дома лежат документы, на кухне надо выключить свет, в сумке рубашка, которую нельзя стирать с тёмным. Мелкие семейные сведения теснились в голове вместо главного. За каждое можно было ухватиться, почувствовать себя человеком с прежними обязанностями.

Когда рядом на несколько секунд никого не осталось, он попробовал произнести имя сына. Без свидетелей, шёпотом, чтобы никто не начал помогать раньше времени.

Получился воздух и короткий ненужный звук.

Антон замер. Сын мог в эту минуту взять телефон и увидеть на экране «Папа». У него самого не получалось даже позвать Егора.

Завтра в четыре он обещал прийти к сыну.

Он набрал воздух.

Ничего не получилось.

Глава 6. Ответ уже дали

Первое, что он смог рассмотреть как следует, был шуруп в потолочной панели. Он выступал на пол-оборота. Совсем немного, но теперь Антон уже не мог перестать его видеть.

Слева кто-то дышал тяжело, с коротким присвистом. Справа стояла тумбочка. На ней лежали часы, которых он не узнавал, пока не сообразил, что смотрит на изнанку собственного ремешка.

Всё было устроено без его участия. Рука лежала на одеяле в положении, которое он не выбирал. Сумку поставили туда, куда он не мог дотянуться. На запястье появилась бумажная полоска с фамилией.

Антон пошевелил пальцами. Левые послушались. Правые ответили с опозданием и не все.

Он хотел позвать кого-нибудь. В горле возник звук, непохожий даже на собственный кашель.

Медсестра подошла сама, поправила провод, спросила, не больно ли ему. Он отрицательно качнул головой. Она задала другой вопрос, дождалась ответа, затем показала кнопку.

— Вот здесь. Нажмёте, если понадобится.

На кнопку пришлось посмотреть несколько раз. Он ненавидел, что несколько раз — уже много.

Рядом лежал мужчина с очень коротко остриженными волосами. Ночью ему несколько раз помогали повернуться. Антон слышал, как тот сердился на подушку, на одеяло, на человека, который осторожно спрашивал, так ли теперь удобно. Слова вылетали неразборчиво, но их намерение угадывалось без труда.

Утром мужчина попросил открыть штору. Антон понял не сразу, потом попытался помочь: дотянуться до края, показать медсестре. Вышло суетливо и бесполезно. Сосед раздражённо отвернулся.

Антон снова остался с собственными руками. Ещё недавно помощь была чем-то, что он оказывал без размышления, с хорошей шуткой и лёгким перевесом в свою пользу. Теперь даже предложить её было трудно. На соседа стало обидно. Тот уже закрыл глаза, отвернувшись к стене.

На столике лежала пластиковая расчёска. В ней застряли короткие седые волоски. Кто-то привёз её человеку из дома, вложил в пакет, вспомнил, что понадобятся именно такие зубья, а не другие. Антон смотрел на эту мелочь с неожиданной завистью. У соседа было подтверждение прежнего лица — вещи знали его привычки даже тогда, когда он сам никому не мог рассказать о них.

Когда принесли его собственный пакет, он узнал зелёное полотенце. Ирина брала его в поездки, потому что быстро сохло. Он всегда ворчал, что выглядит как служебная тряпка, а она отвечала: зато не занимает весь чемодан, в отличие от твоего пиджака на случай мировой известности.

Полотенце оказалось именно таким же на ощупь. Антон провёл по краю большим пальцем. Долго держал, прежде чем положить рядом.

Пришла сотрудница, проверила нужное, спросила, как его зовут. Он снова попытался ответить. Внутри уже подготовился к неудаче раньше движения рта. Она показала на полоску с фамилией, дождалась кивка и сказала: «Антон, сейчас поправлю подушку».

Антон почувствовал облегчение. От того, что ничего особенного не произошло, вдруг стало легче дышать.

Днём пришла Ирина. Встала у кровати с прозрачным пакетом в руке. На пакете был логотип магазина обуви. Антон зачем-то подумал, что тапочки из такого пакета обязаны иметь особенно высокое мнение о себе.

Она взяла его за левую руку.

— Привет.

Он хотел сказать, что напугал её, что с ним такого никогда не было, что она сегодня выглядит усталой. Пока выбирал, какое из трёх важнее, Ирина уже поцеловала его в лоб.

Потом подошёл врач. Слово «инсульт» Антон расслышал сразу. Дальше улавливал слова неравномерно: начало объяснения, обрывок про обследование, чёткое «восстановление». Стоило попытаться удержать всё сразу, как понимание расползлось. Он смотрел на губы говорящего и злился на себя, будто проглядел важный пункт договора.

— Раньше подобное было?

— Нет, — ответила Ирина.

Он тоже ответил — по крайней мере, ему показалось. Врач уже задавал следующий вопрос жене. Антон попробовал поднять руку. Из-за движения соскользнул край одеяла. Ирина поправила его.

— Он всё понимает? — спросила она тихо.

Антон закрыл глаза.

Он был здесь. Он лежал прямо между ними и не знал, как объяснить, что сейчас понимает достаточно, чтобы ему было невыносимо.

Врач повернулся к нему, повторил несколько вещей короче. Дал время. Это немного помогло, но обида успела остаться. Ирина продолжала сжимать его руку так крепко, словно иначе можно было потерять его ещё раз.

После её ухода он смотрел на сумку.

Нужен был телефон. Там было приглашение, семейный чат, незаконченный разговор. Он пытался изобразить пальцем прямоугольник. Медсестра принесла салфетку. Он покачал головой, повторил. Она догадалась с третьей попытки и не сделала вид, что с первой.

Телефон был заблокирован. Правая рука не удерживала его, левый большой палец несколько раз попадал не туда. Антон положил аппарат на одеяло и надавил слишком сильно. Открылся список экстренных вызовов. Он испугался, отодвинул телефон и ощутил, как поднимается тошнота от одной только необходимости снова начинать.

Днём понадобилась помощь с самым обычным телесным делом. Антон не сразу смог объяснить, почему зовёт. Показывал, сердился, снова показывал. Когда поняли, почувствовал не облегчение, а такой стыд, будто само усилие сделало просьбу неприличной.

Сотрудник действовал спокойно. Объяснил следующий шаг, уточнил, удобно ли, не торопил там, где движение давалось трудно. Для него это было частью работы. Для Антона — вторжением в последнюю область, о которой прежде можно было не думать.

Он отвернул лицо. Очень хотелось, чтобы человек не смотрел на него потом так, будто знает слишком много. В голове одна за другой возникали бессмысленные фразы: я вообще-то сам, я просто сейчас, со мной обычно не так. Сотрудник поправил одеяло и спросил, удобно ли теперь. Антон кивнул, всё ещё глядя в стену.

Закончив, сотрудник поправил нужное, напомнил про кнопку и ушёл. Торопился: за дверью уже звали к другому пациенту.

Антон остался лежать, чувствуя горячие уши. В коридоре кто-то спрашивал про чистые полотенца, звонил служебный телефон. Для отделения произошла обыкновенная минута. Для него разделилась жизнь на ту, где такие вещи делаются незаметно, и ту, где приходится просить незнакомого человека подождать.

Он попытался подумать о работе, но сразу представил гостей, смеющихся над его невозможностью подобрать слово. Так никто здесь не смеялся. Это он сам принёс с собой воображаемый зал, который теперь смотрел на каждую неудачу.

Понадобилось много времени, чтобы повернуться обратно к комнате. Сосед спал с открытым ртом. На столике лежала расчёска, стакан был наполовину полон. Антон подтянул стакан ближе. От воды ещё немного пахло пластиком.

К вечеру другая сотрудница принесла лист с крупными словами и картинками. Не всё подходило. Он показывал, она уточняла, иногда возвращалась к началу.

На вопрос «Хотите, чтобы мы позвонили жене?» он сначала кивнул. Потом покачал головой. Жёну он уже видел. Нужен был сын.

Они добрались до букв не сразу. Он находил взглядом нужную, указывал, терял строку. В какой-то момент раздражённо ударил левой ладонью по одеялу. Сотрудница не стала хвалить его за терпение, которого не было. Просто сказала, что они могут сделать перерыв.

Он не хотел перерыва. Слишком много вокруг решалось без него, и ещё один перерыв казался согласием.

На бумаге появилось «ЕГ».

— Егор? Ваш сын?

Антон кивнул. У него дрожала шея от усилия.

Она сказала, что передаст просьбу Ирине, а завтра они продолжают подбирать способ общения. Слово «завтра» прозвучало для него почти как угроза: ещё один день, в котором всё придётся добывать по букве.

Ночью он проснулся от собственного плача. Сначала даже не понял, что это он. Воздух выходил неровно, лицо было мокрым. Он смотрел на шуруп в потолке и думал о микрофоне, лежавшем теперь где-нибудь в Пашиной машине.

В зале всегда найдётся человек, который подхватит мелодию, если остановится музыка. Здесь он очень долго не мог нажать кнопку.

Глава 7. На парковке

Машину Ирина нашла со второй попытки. Сначала подошла к чужой — такой же серой, только без царапины возле дверной ручки. Нажала на брелок и разозлилась, что ничего не происходит.

Когда наконец села за руль, руки перестали слушаться уже у неё. Она держала ключ, не попадая в замок, и нелепость этого короткого движения окончательно её добила.

Слёзы текли на подбородок. Рядом проходили люди с пакетами, один мужчина жевал пирожок. Ирина старалась плакать так, чтобы не пришлось с кем-нибудь разговаривать.

Утром Антон лежал с очень серьёзным лицом. Восемнадцать лет он приезжал домой разным — сонным, злым, выпившим на чужом празднике, перевозбуждённым после удачного вечера. Она знала его спину, когда он сердился, и затылок, когда делал вид, что спит. Но это лицо было новым. Он смотрел на неё с просьбой, которой она не понимала. Попыталась угадать, поняла неправильно и увидела злость. На мгновение ей стало так обидно, будто он просто снова остался недоволен тем, как она справляется.

Потом она почувствовала стыд за эту мысль. Потом разозлилась на стыд.

Телефон зазвонил.

— Ир, ты за рулём? — спросил Паша.

— Нет. Стою.

— Тогда по заказам. Я четырёх обзвонил. Два согласны на замену, один подумает. Одна женщина спросила, будет ли скидка, раз ведущий другой.

— Что ты ответил?

— Что если он окажется хуже, я сам ей доплачу. Не оценила.

Ирина шмыгнула носом.

— Паш, а удлинители ваши где?

— В машине. А что?

— Мне вчера звонил ресторан. У них пропали три.

Помолчал.

— У нас как раз нашлись три. Очень неприятное совпадение.

Она вдруг засмеялась. Слёзы ещё текли, и смех вышел почти болезненным.

— Я отвезу, — пообещал он. — Ты сегодня ела?

— Да.

Сказала автоматически. Не могла вспомнить что.

На обратном пути она остановилась у магазина. Надо было купить продукты, но придумать список оказалось труднее, чем заполнить рабочую ведомость. Молоко, хлеб. Что ещё едят люди, когда дома ждут ответа, который она не везёт?

В отделе готовой еды стояла женщина с ребёнком. Мальчик хотел большую котлету, мать объясняла, что дома есть суп. Он смотрел на котлету с такой надёжной надеждой, что Ирина почувствовала щемящее раздражение на весь разговор. Тут же стало стыдно: чужой ребёнок имел право хотеть совершенно обыкновенную вещь.

Она взяла две порции еды. Потом подумала об Антоне и поставила третью. Через несколько шагов вспомнила, где он сейчас. Вернулась к полке, долго искала пустое место, хотя поставить контейнер можно было куда угодно.

На кассе спросили карту. Не банковскую — скидочную. Ирина протянула не ту, потом другую. Кассир ждала, человек за спиной громко выдохнул. От этого выдоха она снова перепутала карты и выложила обе перед кассиром.

Телефон снова позвонил. Клиент Антона хотел уточнить, что будет с заказом. Ему уже объяснили, но он опасался, что замена не знает их программу. Ирина стояла возле пакетов,

слушала, как чужой человек волнуется из-за фамилий гостей, и старалась не сказать то, за что потом придётся извиняться.

— Я передам Паше, — ответила она. — Все договорённости соберём. Сейчас по выступлению нужно общаться с ним.

— А ваш муж не может сам подтвердить?

Она закрыла глаза.

— Сейчас нет.

Человек наконец понял, неловко пожелал здоровья. У Ирины не осталось сил решать, был он бестактен или просто не разобрался с первого объяснения. Записала имя, отправила Паше. В пакете накренилась еда, крышка запотела.

Доехав, она ещё минуту сидела перед подъездом. На втором этаже в окне горел тёплый свет. Дома был сын. Надо было войти к нему человеком, который не знает всего, но может сказать правду достаточно спокойно.

Дома Егор сидел на кухне. Рядом лежал робот в открытой коробке, а на экране телефона шёл записанный кем-то воскресный показ.

— Как ты? — спросила Ирина.

— Нормально. Он как?

Она села напротив, поставив больничный пакет на пол.

— Стабильно. Врачи наблюдают. Будут заниматься с речью и рукой.

— Он понимает?

— Многое понимает. Устаёт. Иногда надо повторить проще.

Егор выключил экран.

— Я могу к нему?

— Договорюсь, когда можно. Только недолго для начала.

— Он теперь всегда так будет?

Ирина смотрела на сына и видела, как он старается задать вопрос обыденным голосом. С таким лицом обычно спрашивал, не разобрали ли уже нужную деталь в магазине.

— Мы пока не знаем.

— Но поправится?

Она хотела сказать «конечно». Слово стояло рядом, лёгкое, доброе, почти бесплатное. Стоило его произнести, и на несколько минут обоим стало бы проще.

— Восстановление возможно. Насколько — никто сейчас честно не скажет. Мы будем помогать.

Сын кивнул и потянул к себе коробку. Ирина подождала, не спросит ли ещё. Он открыл крышку, посмотрел на детали, снова закрыл.

После ужина Егор ушёл в мастерскую забрать оставленный инструмент. Ирина попросила купить хлеб по дороге. Список лекарств и звонок врачу оставила себе.

В кошельке нашёлся сложенный вчетверо листок: адрес квартиры, телефон хозяина,писка «окна во двор». Встреча должна была состояться завтра. Она написала, что прийти не сможет, и положила лист в ящик письменного стола.

Там лежали старые открытки. На одной Антон нарисовал карандашом пальму и подписал: «Отпуск состоится при любой погоде. Если денег не хватит, пальму увеличу».

Тогда они действительно поехали. Жили в маленьком номере с шумным холодильником. По утрам он приносил ей кофе и совершал с подносом церемонию, достойную вручения государственной награды. Ирина ещё неделю после возвращения смеялась, открывая дома холодильник.

Она положила открытку обратно. Воспоминание было хорошим, целым. От этого не становилось понятно, как жить дальше.

Перед сном открыла письмо о собеседовании. Нажала «Ответить» и долго смотрела на пустую строку. Затем попросила перенести встречу на две недели.

Утром нужно было отвезти Антону удобную майку. У первой оказался узкий ворот.

Глава 8. Чужие упражнения

Нина Сергеевна представилась, села так, чтобы Антон видел её лицо, и спросила, как удобнее к нему обращаться.

Он хотел сказать: «Ваше Сиятельство. Раз уж лежу, пользуюсь положением». На листе получилась первая буква имени, потом что-то похожее на крючок. Он провёл по бумаге ещё раз, порвал её и отвернулся.

— Антон? — уточнила она.

Он кивнул.

— Хорошо. Я Нина Сергеевна. Работаю с общением после таких заболеваний. Сейчас посмотрим, что получается и что мешает. Когда устанете — остановимся.

Ему не понравилось «посмотрим». Он хотел «исправим».

Она не дала длинного объяснения. Показала, попросила попробовать, подождала. Некоторые простые действия получались. Стоило намеренно повторить их ещё раз, как рот словно начинал искать неправильный путь. Антон сердился, двигался быстрее, и выходило хуже.

— Давайте не торопиться.

Он закрыл глаза. За двадцать лет ему столько раз говорили обратное — ещё одну реплику, ещё один тост, паузу короче, пора выносить горячее, — что медленное действие казалось профессиональным поражением.

В упражнении было короткое слово. Он понимал, какое. В какой-то из попыток почти получилось. Нина Сергеевна отметила удачный кусок и предложила отдохнуть.

Антон мотнул головой.

Ещё.

Она поняла. Дала ещё одну попытку. Снова не то.

В груди поднялось горячее, и он резко отодвинул карточку. Ему хотелось встать, выйти из кабинета, хлопнуть дверью — сделать хоть что-нибудь, что получилось бы целиком. Тело не предлагало подходящего варианта.

Нина Сергеевна не стала убеждать его улыбнуться.

— Злиться можно. Сегодня это трудно.

Он посмотрел на неё с ненавистью за слово «сегодня». Она спокойно убрала лишние предметы со стола. Дала время прийти в себя. Потом показала набор простых просьб, где можно было выбирать, не заставляя рот проделать невозможное немедленно.

На одном листе было «Я хочу отдохнуть». Антон указал на него так резко, словно писал заявление об увольнении.

— Хорошо, — сказала она. — На сегодня достаточно.

Через два дня понадобилось изменить таблицу. Часть знаков Антон находил быстро, на других застревал. Он пробовал двигаться тем же способом, каким разбирал когда-то неудачную программу вечера: устранить лишнее, крупнее написать нужное, оставить один понятный шаг.

Только собственная голова не соглашалась стать банкетным сценарием. Сегодня работало одно, завтра при усталости терялось другое. Удача не обещала повтора. Это выводило из себя сильнее любой отдельной неудачи.

Нина Сергеевна записывала наблюдения. Иногда за дверью кто-то стучал, требуя подписи или уточнения. Она отвечала, что подойдёт после занятия. Однажды в конце посмотрела на часы и честно сказала, что задержать его ещё не может: дальше другой человек. Антон сперва воспринял это как отказ заниматься с ним достаточно серьёзно.

Потом в коридоре увидел пожилую женщину с дочерью. Та тоже держала пакет с домашними вещами, тоже смотрела на дверь. Взрослая дочь передала матери бутылку и поправила воротник. Женщина раздражённо отвела её руку.

Это раздражение оказалось мучительно знакомым. Антон отвёл взгляд, не желая видеть в чужом разговоре учебный материал о себе.

В следующую встречу они пробовали короткие сообщения для дома. Ему предложили самому выбрать, что требуется чаще всего. Антон упрямо показал на длинную фразу, которую пока было трудно собрать. Можно было попросить тишины гораздо проще. Но он хотел сказать так, чтобы было похоже на прежнего его, с интонацией, с обращением.

Нина Сергеевна уточнила:

— Сейчас важнее передать просьбу или именно эту формулировку?

Он сердито показал на оба варианта.

— Понимаю. Будем работать с обоими. Только не обязательно в одну минуту.

Антон сидел, глядя на два листа. Один давал возможность действовать уже сегодня. Другой обещал желанное сходство с собой, для которого понадобилось бы неизвестно сколько времени. Выбирать первый казалось предательством второго. Он согласился не сразу.

В палату вернулся с несколькими новыми готовыми просьбами. Положил их рядом с зелёным полотенцем. Сходства с прежней жизнью было мало. Зато одна вещь лежала там, куда он сам решил её положить.

Позже, в палате, он попробовал вспомнить, когда последний раз сам приходил к человеку, который чего-то не умеет. Обычно люди приходили к нему. Говорили, что не умеют выступать, боятся микрофона, никогда не танцевали перед публикой. Он отвечал: «Со мной получится», — и подталкивал. Они смеялись, соглашались, выходили. Иногда он замечал, что им нехорошо, и всё равно говорил бодрее: «Не переживайте, это же весело».

Антон долго смотрел на карточку с просьбой отдохнуть. Для чужого отказа у него раньше всегда находилась шутка.

Когда пришла Ирина, он показал ей листы. Она стала читать слишком внимательно, как читала рабочую инструкцию. Он ткнул в короткое «холодно».

— Принести одеяло?

Кивнул.

Она накрыла ему ноги. Не спросила, зачем открылся. Не сказала, что и так лежат два одеяла. Просто сделала то, о чём он просил.

В этот момент он чуть не заплакал снова. Ужасно было, что слёзы теперь подступали от вещи, которую прежде можно было решить одним движением.

На следующий день Нина Сергеевна спросила, готов ли он показать способ общения сыну. Он хотел отказаться. Представил, как Егор будет переводить взгляд с листа на его лицо, искать там прежнего отца, а найдёт взрослого человека с детской на вид таблицей.

Потом вспомнил маленький чёрный браслет на чужой руке с фотографии. Он не спросил даже имени.

Антон выбрал «да».

Глава 9. Авансы

Паша принёс папку на кольцах. В ней раньше хранились сценарии, и Антон сперва почувствовал радость: друг наконец принёс что-то снаружи, где он ещё работал.

На первом листе стояло: «Возвраты и замены».

Паша положил папку так, чтобы не приходилось удерживать её рукой.

— Я всё написал. Можем по одному. Если устанешь — продолжим завтра.

Сентябрь был покрыт чужими фамилиями. Антон знал этих людей. Рыжова искала ведущего на юбилей матери полгода. Дымов торговался за каждый пункт программы, но потом доплачивал официантам за задержку. Молодые Синицыны разрешили приводить на свадьбу даже бывшую собаку невесты — пёс жил у прежнего жениха, зато его все любили.

Возле трёх дат стояло имя другого ведущего. Антон указал на него.

— Да, Серёга. Они согласны.

У Серёги были белые зубы, дорогие кроссовки и привычка говорить заказчикам «сделаем вау». Антон знал пару его удачных номеров. Ещё неделю назад мог беззлобно шутить, что в слове «вау» удобно прячется отсутствие подробностей.

Теперь захотелось вычеркнуть имя так сильно, что он надавил пальцем на бумагу.

— Антох, свадьба у них в субботу. Людям нужен человек.

Он отвернулся. За окном выгружали постельное бельё. Жизнь выполняла свои хозяйственные операции с пугающей точностью.

Паша посидел молча.

— Я пока никому не обещал, что ты скоро вернёшься. Не знал, что говорить.

Антон взял левой рукой карандаш. После нескольких попыток появилась кривая короткая запись: «Что говорят».

— Всякое, — ответил Паша. — В основном нормальное. Синицыны сказали, чтобы не парился. Дымов просил номер счёта. Хочет помочь. Та женщина с юбилеем волнуется за мать. Мать, говорит, настроилась именно на тебя.

Это было приятно и невыносимо одновременно. Ему требовалось, чтобы его ждали. Но он не мог обещать, что придёт.

Они позвонили Рыжовой. Паша включил громкую связь, предупредив её, что Антон рядом.

— Ой, Антон, здравствуйте. Как же так... Вы поправляйтесь. Вы только скажите: у нас через три недели. Может, всё-таки получится?

Он смотрел на папку. До этой минуты её надежда казалась доказательством его незаменимости. Теперь надо было самому от неё отказаться.

Качнул головой.

— Не сможет, — сказал Паша после паузы.

Антон вздрогнул. Слова легли на него холодной готовой формой.

Когда разговор закончился, он долго не смотрел на друга. Потом передвинул к нему лист. Возле суммы аванса поставил галочку. Возвращать.

По одному из следующих заказов позвонили не Паше, а Антону. Экран высветил знакомое имя: Сергей Дымов. Паша спросил, отвечать ли, и Антон подтвердил.

Дымов долго извинялся за звонок. Объяснял, что не хочет беспокоить, но сын с невестой волнуются. До свадьбы оставалось меньше месяца, ресторан уже оплачен, гости едут из другого города. Им предлагали другого ведущего, но молодой человек увидел в сети неудачный ролик и теперь сомневался.

Антон слушал с растущим раздражением. Ему хотелось, чтобы человек понял масштаб происходящего без дополнительных объяснений. Затем увидел в папке пометку «регистра-

ция в другом городе, пожилая бабушка, нужен ранний выход» и вспомнил лицо невесты. Она сама болела прошлой зимой, несколько раз переносила свадьбу. Для неё этот день тоже не был пустяком.

Паша объяснил варианты. По одному можно было быстро показать программу, по другому потребовалась бы новая встреча. Дымов помолчал, уточнил сумму. Затем спросил, можно ли перевести Антону деньги отдельно, без отношений к заказу.

Антон посмотрел на друга. Паша ждал.

Отказаться сразу было приятно: не нуждается, справится, не надо его жалеть. Принять означало признать чужую помощь в ту минуту, когда сам больше не мог предложить обещанную работу. Он не знал, что из этих решений будет честнее.

Наконец показал, что сначала надо закрыть договорённость по свадьбе. Остальное — потом. Паша передал. Дымов согласился без обиды, сказал, что спросит ещё раз, когда будет уместнее.

После звонка Антон смотрел на телефон и чувствовал себя уставшим от собственных правил. Даже помощь теперь требовала разобраться, кем именно он окажется после её принятия. В больнице ему помогали постоянно, но за медицинской необходимостью можно было спрятать стыд. Другие люди помогали просто потому, что хотели. Ответить на это готовой правильной фразой не получалось.

Паша налил воды.

— По свадьбе решим, — сказал он. — Там нормальные люди. Просто всем страшно за своё.

Антон кивнул. В папке оставались ещё четыре даты. Карандаш Паша положил рядом с его левой рукой.

Они прошли так ещё четыре строки. На шестой он устал настолько, что не мог удержать взгляд на одной фамилии. Паша закрыл папку.

— Остальное завтра. Я с Ириной посчитал. Из резерва хватает закрыть эти даты. По тем, где мы передаём заказ, деньги отдельно согласуем. Моё не считай своим долгом, но и чудес я не обещаю. Мне тоже жить надо.

Антон посмотрел на него. Паша неловко потёр нос.

— Плохой из меня утешатель.

Антон нашёл в папке старую пометку на полях: «Дядя танцует только после второй просьбы. Третью не делать».

Подвинул её другу.

Паша прочитал и засмеялся. Впервые за всё посещение — без старательности.

Потом оставил папку на тумбочке. Пустые выходные торчали из неё белыми краями.

Глава 10. Пять минут

Егор пришёл с пакетом и сел на край стула, не снимая куртки.

— Тут зарядка. И носки. Мама сказала, те давят.

Антон посмотрел на носки. На них был нарисован медведь в очках и написано «Главный по отдыху». Ирина, должно быть, схватила первую подходящую пару. Или Егор выбрал сам. Он хотел спросить, но сын уже доставал из пакета телефонный кабель.

На занятии они с Ниной Сергеевной подготовили короткую записку. Антон несколько раз проверил её, чтобы всё было понятно: «Не слишком много купил? Я здесь пока только ногами отдыхаю». Шутка вышла рыхлая. Раньше он отбросил бы такую ещё до произнесения. Сейчас это был единственный приготовленный мост.

Он показал записку.

Егор прочитал, поднял глаза, быстро улыбнулся.

— Нормально.

Антон отвернул лист. Увидел, как сын смотрит на его руку. Спрятал её под одеяло и тут же разозлился на собственное движение.

— Вам тут... нормально? — спросил Егор.

Кивок.

— Мама говорила, ты занимаешься.

Кивок.

— Понятно.

Ничего ему не было понятно. Антон хотел объяснить, что в голове всё ещё звучит его голос. Что он помнит, как смеялся сын, когда ему было шесть и они собирали табуретку с четырьмя лишними шурупами. Что ему стыдно за свои звуки, страшно за работу и больно от этой куртки, в которой Егор словно пришёл только передать пакет и сразу уйти.

Он потянулся к таблице. Егор придвинул её слишком быстро, начал угадывать:

— Ты домой хочешь? Или мама? Позвонить маме?

Антон резко качнул головой.

— А что?

Надо было начать с начала. Он уже не помнил, с какого именно. Указал на букву, потерял следующую, заметил, как Егор посмотрел на часы.

И всё внутри него оборвалось.

Он отодвинул таблицу. Повернулся к окну. Не уходи, хотел сказать он, но тело показывало совсем другое: оставь меня, выйди, перестань смотреть.

Сын сидел, положив руки на колени. Большой палец шёл вдоль потёртого шва на джинсах. Антон помнил эти руки маленькими: Егор прижимал ладонь к его ладони и проверял, скоро ли дорастёт. Каждый раз разница казалась вопиющей, и Антон обещал обязательно измерить через неделю. Несколько недель они действительно измеряли. Потом забыли, как забывают почти все домашние ритуалы — без отдельного решения их прекратить.

Теперь подростковая ладонь была уже почти взрослой. Он пропустил сам момент, когда она такой стала.

Егор посмотрел на таблицу и спросил, какую букву отец показывал. Антон хотел вернуться к началу. Вспомнить просьбу. Сказать что-нибудь понятное, чтобы сын перестал смотреть на дверь. Всё необходимое начинало мешать друг другу.

За стеной звякнула посуда. Кто-то громко засмеялся в коридоре. Антон вдруг подумал, что там могла быть хорошая шутка, совершенно не связанная с ним, и от этой нелепой ревности ему стало стыдно. Мир сохранил способность смеяться без его помощи. Даже больничный мир.

Он поднял глаза на сына. Тот тоже услышал смех, но не повернулся. Продолжал ждать объяснения, которое никак не появлялось.

Нужно было показать что-нибудь простое. «Останься». Всего несколько минут, до конца дождя. Но попросить об этом означало признаться, как страшно ему остаться одному. Он привык, что гости остаются, потому что им интересно. Никогда не просил человека посидеть, если сам не мог ничего предложить взамен.

Егор тихо сказал, что на улице пошёл дождь. Можно было обсудить дождь. Антон качнул головой — не отрицая, а пытаясь прекратить собственное внутреннее метание. Сын понял иначе и замолчал.

В этой короткой неудаче не было ничего для зрителя. Ни происшествия, ни яркой реплики. Просто два человека сидели рядом, знали слишком мало о боли друг друга и боялись сделать хуже следующим движением.

Стул скрипнул. Антон зажмурился.

Сын встал. Снял куртку. Положил её на спинку стула, поднял с пола съехавший край пакета. Затем переставил бутылку и коробку салфеток ближе к левой руке отца.

— Так достанешь?

Антон кивнул, не оборачиваясь.

Егор сел снова.

Егор поднял с пакета новые носки, развернул рисунком к отцу.

— Я выбирал, — сказал он. — Только медведь не обязательно про тебя. Там размер подходящий был.

Антон посмотрел на очки медведя, затем на собственные, лежавшие возле тумбочки. Угол рта непослушно дрогнул. Сын заметил и тоже улыбнулся.

Они некоторое время разглядывали совершенно глупого зверя. Носки оказались единственным предметом в палате, который ничего не объяснял про заболевание, лечение, необходимость терпения. Купленный рисунок был нелепым сам по себе. Над ним можно было смеяться без скрытой обязанности доказать, что семья держится.

Егор положил их рядом с тапочками, выровнял. Сказал, что дома закончился хлеб, но он купит по дороге. Антон кивнул. У сына оставался путь из больницы в магазин, потом к тетрадям и собственным сообщениям. Отец не мог пойти с ним. Мог только наконец повернуться лицом к комнате и перестать делать вид, что смотрит в окно по собственному выбору.

Из коридора донеслось объявление о конце времени посещений. Сын посмотрел на дверь, потом на часы. Антон видел это отражённым в стекле.

— Я ещё пять минут посижу, — сказал Егор. — Всё равно автобус через двадцать.

На улице начинался дождь. Капли шли по стеклу косо, как маленькие торопливые люди. Антон смотрел на них, стараясь дышать тише.

Через некоторое время сын придвинул стул ещё на несколько сантиметров и положил телефон экраном вниз.

Антон впервые за день перестал искать фразу.

Часть вторая. Домашняя тишина

Глава 11. Место у окна

Дверь в квартиру оказалась тяжёлой.

Антон знал это и раньше. Сам выбирал её, спорил с установщиком, требовал поправить доводчик. Теперь держал ручку левой рукой и ждал, пока Егор снимет пакет с плеча. Ирина стояла рядом, не решаясь ни помочь, ни отойти. Ключи звякнули о металлическую накладку. На лестнице хлопнула соседская дверь, и Антон вздрогнул так, словно его застали за неприятным делом.

Дома пахло чистым бельём. Коридор стал шире: убрали коробки, которые он собирался разобрать с весны. На тумбочке лежала нескользящая подкладка. Обувь поставили носами к нему.

Его здесь ждали. Столько труда было вложено в то, чтобы он не оступился, не потянулся не туда, не почувствовал себя лишним. От благодарности болело горло. От предусмотрительности хотелось сердиться.

На кухне стоял другой стул — устойчивый, с подлокотниками. Его поставили у стены, подальше от окна, где прежде сидел Антон.

— Так удобнее выходить, — объяснила Ирина. — И розетка рядом.

Он сел. Егор начал расставлять зарядки. Ирина принесла воду. Прежде чем Антон успел взять стакан, сын подвинул его ближе. Вода расплескалась на стол.

— Я вытру, — быстро сказала жена.

— Давай я, — сказал Егор и потянулся через него за салфетками.

Антон поднял ладонь. Они остановились, но он уже слишком рассердился, чтобы показать, чего хочет. Слова на карточке вдруг сделались раздражающе недостаточными. Он хотел спокойно посидеть за собственным столом, а не объяснять каждому предмету, куда ему теперь положено двигаться.

Повернул голову. На холодильнике всё ещё висел магнит из того отпуска, где Паша случайно утопил гостиничный ключ. Они не стали рассказывать, что это был его второй ключ за утро, и Антон до вечера изображал представителя местного союза пловцов с металлическими предметами.

Вспомнив, он коротко выдохнул через нос. Ирина посмотрела на магнит, потом на него. Поняла и улыбнулась.

— Тот хотя бы мог плавать, — сказала она, убирая лужицу.

Егор не понял, о чём они. Не спросил. Сын свернул пустой пакет и пошёл в свою комнату. Антон ещё улыбался, глядя на магнит.

Первую чашку он всё-таки взял сам.левой рукой, осторожно, следя, чтобы не зацепить край. Вода дрогнула, но осталась внутри. Такое не могло стать семейной новостью. За такое не хотелось получать одобрение.

Ирина заметила движение и ничего не сказала. Просто продолжила разбирать пакет. Антон был ей благодарен именно за отсутствие реакции, хотя она, вероятно, об этом не знала.

На столе лежали рекламные буклеты, принесённые вместе с продуктами. Акция на сыр, скидка на стиральный порошок, улыбающаяся женщина возле корзины белья. Антон вдруг вспомнил, сколько раз требовал от заказчиков прислать материалы крупным шрифтом, а дома смеялся над Ириной, когда она увеличивала текст в телефоне. Теперь мелкие надписи собирались в неприятную рябь. Пришлось убрать буклеты подальше.

Он посмотрел на свой домашний ключ. Паша положил его рядом с сумкой после больницы. Маленькая стальная вещь выглядела неправдоподобно свободной: раньше достаточно было вынуть её из кармана, и всё по ту сторону двери становилось своим. Сейчас ключ позволял открыть квартиру, но не возвращал к ней привычного отношения.

Егор спросил, куда поставить коробку с аппаратурой, занимавшую коридор. Антон указал на комнату. Сын перехватил ручку и потянул — слишком тяжело. Ирина остановила его, предложила оставить до прихода Паши. Раньше Антон уже взял бы с другой стороны, бодро скомандовал «на счёт три» и почувствовал себя полезным ещё до завершения действия. Сейчас ему осталось показать, что согласен подождать.

Это и раздражало: ожидание проникло везде. Чтобы ответить, перевести взгляд, встать после долгого сидения, объяснить расположение вещей. Даже когда тело позволяло делать больше, в голове уже жил предварительный вопрос — получится ли. Прежде он проверял сцену и аппаратуру; себя самого проверять не приходилось.

Сын оставил коробку и ушёл. На секунду Антону захотелось остановить его, попросить посидеть. Но после больничной встречи он всё ещё не знал, как обращаться с этой новой прямоотой. Он так и остался сидеть с поднятой ладонью. Опустил её, когда в коридоре закрылась дверь.

В комнате что-то звякнуло. Егор позвал мать посмотреть крепление, которое никак не сходилось. Она пошла. Антон слышал их голоса, не разбирая каждое слово, и впервые почувствовал, что за время его отсутствия дом научился действовать иначе. Ирина засмеялась над чем-то. Антон посмотрел на закрытую дверь, затем на стакан перед собой.

После обеда его оставили отдохнуть. Он смотрел в окно из непривычного угла: видна была только часть дороги, ресторанная вывеска пряталась за рамой. Через час достал телефон. Пользоваться крупными кнопками левой рукой уже получалось, хотя письмо всё ещё давалось отдельной тяжёлой работой. Он нашёл короткую просьбу, которую подготовили на занятии, и дополнил её одним словом.

Показал Ирине: «Стул. Окно».

Она посмотрела.

— Поменять места?

Кивнул.

— А розетка?

Он показал на удлинитель.

Жена переставила стул и спросила, как его развернуть. Антон показал. Она не стала доказывать, что первый вариант надёжнее.

Перед ужином он попробовал переодеться без помощи. Чистая домашняя футболка пахла тем же порошком, каким пахла всегда. Ворот зацепился, правая рука не сразу нашла нужное движение. Он остановился, опустил ткань, начал иначе. Торопиться было некуда, и именно это страшно раздражало.

Когда получилось, сел на край кровати. Дверь оставалась закрытой. С той стороны двери никто не звал. Антон провёл ладонью по ткани на груди, проверяя, не перекрутилась ли.

На спинке стула висела старая рабочая рубашка. Можно было бы убрать её, чтобы не мешала. Он оставил. Воротник примялся с одной стороны. Антон потянулся поправить, передумал и убрал руку на колено.

Ирина спросила через дверь, всё ли нормально. Он показал короткий ответ, когда она заглянула, затем попросил несколько минут тишины. Она закрыла дверь снова. Он посидел, прислушиваясь к шагам в коридоре. Ирина прошла мимо, не открывая дверь.

Вечером за окном загорелась вывеска ресторана. В её свете люди снимали куртки, поправляли причёски, входили внутрь. У кого-то был праздник. Вероятно, ведущий уже проверял имена в списке и объяснял, где можно оставить подарок.

На столе возле Антона стояли две кружки, четыре зарядки и лист с просьбами. Раньше здесь умещался один телефон, и он всё время мешал остальным.

Он оставался у окна до тех пор, пока Ирина не спросила, не хочет ли он поужинать.

После ужина он попросил принести почту из прихожей. Несколько квитанций, рекламный листок, конверт с документами по давнему заказу. Ирина выложила на стол, не стала разбирать за него.

Антон читал медленно. Первая страница была понятной, на второй пришлось вернуться к началу. Ничего срочного. Даже это почему-то помогало: не всякая бумага требовала решить судьбу дальнейшей жизни сегодня.

Нашлась открытка, которую Егор ещё маленьким подписал ему на день рождения. Неровные буквы, солнце, нарисованный микрофон. Антон провёл пальцем по толстому фломастерному следу. Тогда сын хотел сделать вещь, которая обрадует отца, и выбрал самый узнаваемый предмет его жизни.

Сейчас предмет лежал у Паши, а открытка оставалась дома. Антон отложил её отдельно, не пытаясь немедленно вызвать сына и объяснить, как сильно растроган. Иногда памяти можно было дать побыть личной, не превращая чувство в задачу для близких.

Он разобрал остальное на две стопки. Подписывать крупно оказалось трудно, поэтому сфотографировал расположение и сохранил записку. Теперь он помнил, в какой стопке лежит каждая бумага. Ирина спросила, нужна ли помощь. Он показал, что закончил. Квитанции лежали слева, письма — справа. Можно было убирать со стола.

Глава 12. До больницы

Пятую неделю Ирина жила с открытой дверью в ванную. Прислушивалась, не позовёт ли Антон, не упадёт ли что-нибудь, не придёт ли сообщение. Она даже выключала воду, когда ей казалось, что в коридоре зашкрябнул стул.

В этот вечер он показал ей экран: «С кем».

Она не сразу поняла.

— Сейчас? Со Светой. По работе.

Антон ткнул в телефон ещё раз, будто два слова могли содержать всё необходимое. На лице появилось знакомое раздражение.

— Ты думаешь, у меня кто-то есть?

Он отвёл взгляд. Ирина почувствовала, как усталость из тяжёлой становится горячей.

Можно было ответить резко, закончить разговор, потом до ночи мучиться виной. Она поставила чайник, достала две чашки. Села напротив, убрав из рук телефон.

— Нет. Ни с кем я не встречаюсь. Но я хочу вернуться к тому разговору.

Антон смотрел на неё так пристально, что ей захотелось встать. Откладывать всё дальше было бы проще, особенно сейчас, когда он с трудом отвечал. Но отложенное уже лежало между ними, занимая больше места, чем вся их новая домашняя техника.

— Я выбирала квартиру до больницы.

Он опустил глаза на стол. Потом поднял: не понял или хотел не понять.

— Ты слышал меня тогда. Я сказала, что хочу пожить отдельно. Ты попросил до понедельника.

Веки у него дрогнули. Ирина подумала, что сейчас надо остановиться, дать ему время. Сидела молча, пока Антон медленно находил буквы. Он сбивался, возвращался, стирал. Несколько раз она уже видела смысл, но не произносила за него.

«Я болен».

Она прижала ладони к коленям.

— Да. Я знаю.

Горло свело так, что следующие слова пришлось выговаривать по одному.

— И я помогу. Сейчас тебе нужна помощь, мы организуем всё, что можем. Но я не могу сказать, что теперь всё у нас хорошо. Или что я больше не хочу уходить. Я этого не чувствую.

В его взгляде было столько страха, что она на секунду почти согласилась со всем, чего он хотел. Почти сказала: забудь, поговорим потом. Вместо этого спросила, хочет ли он остановить разговор.

Антон очень медленно покачал головой.

Она увидела, как он сжал губы перед очередной попыткой. С детства не выносила беспомощности близких: сразу хотелось всё подхватить, исправить, сделать вид, будто никто ничего не заметил. Сейчас это желание стало почти физическим. Можно было положить ему ладонь на плечо, произнести знакомое «давай потом» и несколько часов снова считать себя хорошим человеком.

Только потом никуда не исчезало. Оно собиралось в ней месяцами и годами.

Она вспомнила один совершенно обыкновенный вечер до болезни. Антон собирался на встречу с заказчиком. Она только что пришла с работы, где целый день исправляла чужую ошибку, а дома обнаружила незаплаченную квитанцию, школьную форму в машинке и его сообщение: «Не забудь, пожалуйста». Ей хотелось, чтобы хоть однажды её спросили, что именно помнит она сама. Начала говорить. Он сел, обнял, выслушал первые две минуты, затем рассмешил историей про клиента, который приехал на согласование свадьбы без невесты, потому что «она всё равно выбирает не то».

Ирина тогда смеялась искренне. История была хорошая. Потом он ушёл, она закончила стирку и только в постели сообразила, что её собственный рассказ так и остался невыслушанным. Ночью квитанция всё ещё лежала неоплаченной. Школьную форму она развесила в ванной сама.

Теперь он сидел напротив, и короткие слова давались ему с усилием, которое невозможно было не видеть. Ирина ждала. Не прерывала, не искала удачную реплику. Ей хотелось, чтобы он наконец получил столько времени, сколько требуется, и одновременно хотелось когда-нибудь получить такое же время самой.

В браке оставалось много хорошего, и от этого решение не упрощалось. Она не могла переписать прошлое в историю восемнадцатилетнего несчастья. Были завтраки, дороги, смешные записки, настоящая помощь, когда она требовалась слишком явно, чтобы пройти мимо. Антон не был человеком, которого достаточно осудить и спокойно оставить за дверью.

Но и хорошее не отменяло её постоянной настороженности перед серьёзным разговором. Она уже заранее знала путь: объяснение, шутка, неловкость, короткий мир, возвращение к тому же устройству жизни. Иногда сама подталкивала к шутке, потому что сил на другой исход не оставалось. Именно это теперь было труднее всего признать. Она тоже участвовала в порядке, от которого устала.

Ирина посмотрела на его руки, лежавшие на столе. Не отвела взгляд, как делала, когда боялась расплакаться. Слова о квартире уже почти готовы были смениться другим: остаюсь, конечно, остаюсь. Она стиснула ладони под столом.

На экране появилось «За что».

Она посмотрела на эти два слова. Услышала в них прежний вопрос, для которого у него прежде находилось больше интонаций.

— Я не наказываю тебя. Мне тяжело рядом. Давно. Я говорила, а потом перестала, потому что после каждого разговора становилась человеком без чувства юмора.

Он закрыл глаза. Она снова замолчала.

С кухни доносилось гудение чайника. Ирина встала выключить его, хотя он выключался сам. Поддержала руку над тёплой крышкой, пока не почувствовала неприятный жар. Хотелось сделать хоть что-то, в чём причина и следствие были простыми.

Вернулась. Антон указал на лист с просьбой отдохнуть.

— Хорошо, — сказала она. — На сегодня хватит.

Она накрыла ужин, оставила нужные вещи в пределах досягаемости и сходила в магазин. Взяла помидоры, хлеб, творог. Возле рыбы поймала себя на том, что снова выбирает его любимую сельдьку, хотя сама не переносит запах. Стояла с упаковкой в руке, не зная, стоит ли этот маленький отказ такого количества мыслей.

Положила рыбу в корзину. Рядом взяла персики, которые всегда казались ей слишком дорогими для повседневной покупки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.